

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

СЕКУЛЯРНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: Задорнов А, прот. Секулярное и религиозное в современной Европе // Праксис. 2022. № 2 (9). С. 229–236. DOI: 10.31802/PRAxis.2022.9.2.018

Аннотация

УДК 2-41

Общественная дискуссия о границах и формах секулярного и религиозного в современном обществе является постоянным способом установления этих границ. Рассмотрев новые (переводные и оригинальные) издания на эту тему, можно сделать вывод о стремлении современных специалистов, с одной стороны, избежать концепта «христианского государства», а с другой — найти место религии как социального института в современном мире.

Ключевые слова: религиоведение, политическая теология, секуляризм, государственно-конфессиональные отношения, конфессионально-общественные отношения.

Secular and religious in modern Europe

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head of the Department

of Ecclesiastical and Practical Disciplines

at the Moscow Theological Academy

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra,

Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "Secular and religious in modern Europe". *Praxis*, № 2 (9), 2022, pp. 229–236 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2022.9.2.018

Abstract. Public discussion about boundaries and forms of secular and religious in modern society is a constant way of establishing these boundaries. Having considered new (translated and original) editions on this topic, we can conclude about the desire of modern specialists, on the one hand, to avoid the concept of the "Christian state," and on the other, to find the place of religion as a social institution in the modern world.

Keywords: religious studies, political theology, secularism, state-confessional relations, confessional-social relations.

Противостояние послереволюционной Европы и христианства в начале XIX века одним из своих последствий имело рождение религиозного консерватизма (преимущественно в среде немецкого и русского романтизма) и прогрессистского секуляризма. Однако в данный период лишь обнажился тот конфликт, корни которого можно справедливо отнести к раннему Модерну (и даже позднему Средневековью) и процесс эволюции которого мы наблюдаем в последние три века.

Исследование этой эволюции проведено в монографии члена Французской академии и Папской академии общественных наук историка Рене Ремона «Религия и общество в Европе. Процесс секуляризации в XIX–XX веках (1789–2000)». В этой недавно вышедшей в русском переводе работе¹ автор ставит своей задачей ответить на вопрос «в какой мере религия оказала и продолжает ли она оказывать решающее или ограниченное влияние на поведение людей в обществе? В частности, опирается ли гражданское право по-прежнему на моральные нормы — в том виде, в каком их формулируют различные церкви?»².

Для ответа на этот вопрос автору пришлось рассмотреть такие темы как взаимоотношение в качестве универсальных реалий религии и нации, либеральный период секуляризации (автор делит его на два этапа — о конфессионального государства к государственному нейтралитету и от либерального государства к полному отделению) и современного «второй период» секуляризации. Поворотной точкой секуляризационных процессов автор считает Первую Мировую войну. Спустя некоторое время по окончании Второй Мировой «нигде в Европе не существует больше ни одного сакрального общества... даже ни одного конфессионального государства, где жизнь социума по-прежнему регулировалась бы церковью, а вся общественная деятельность вращалась бы вокруг религии»³. Но в то же время «со времён падения режимов, объявивших религии войну и заменивших учение церкви нерелигиозной государственной философией, не осталось ни одной страны, которая бы полностью игнорировала религию»⁴.

Набор современных проблем у Р. Ремона достаточно предсказуем: проблема совместимости концепции светскости с наличием миллионов

1 Ремон Р. Религия и общество в Европе. Процесс секуляризации в XIX–XX веках (1789–2000) / пер. с фр. О. Акимовой. СПб., 2022. (Становление Европы).

2 Там же. С. 14.

3 Там же. С. 216.

4 Там же.

новых граждан Евросоюза исламского вероисповедания, пролиферация сект, невозможность свести религию к сфере частного и индивидуального. «Развитие современного общества — верно замечает автор, — повсюду свидетельствует о существовании некоего промежуточного сектора, ставшего весьма заметным, коллективно-частной сферы, а также некой смешанной области, где пересекаются частная инициатива и общественные силы; частью этих общественных сил является религия»⁵.

Стоит обратить внимание, что первое издание монографии состоялось в 1998 году, когда ещё не прошла эйфория от ложно понятого «конца истории» в интерпретации Фукуямы. Сегодня многие выводы Ремона (как ретроспективные, так и прогностические) нуждаются, как минимум, в уточнении.

Доцент факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге С. А. Штырков в вышедшей в серии «Азбука понятий» издательства того же университета книге «Религия» настаивает на термине «интериоризация религии» для обозначения секулярных процессов эпохи раннего Модерна. Такая интериоризация и универсализация религии были необходимы для установления государственного контроля над Церковью. При этом концепт веротерпимости, выраженный Локком, распространяется только на личные убеждения человека, но не дают ему право игнорировать те религиозные практики, которые являются, в том числе, выражением лояльности государству. Эти процессы шли одновременно с вытеснением религиозных институтов в область частной жизни. Однако, как справедливо отмечает Штырков, для Англии конца XVII столетия ситуация сведения церковной жизни только к религиозным (а не общественным) вопросам «должна быть представлена не как то небольшое, что осталось у Церкви после лишения её законной до той поры возможности участвовать в земных делах, а как исключительно важная, хотя и весьма специфичная, часть жизни людей. Этой сферой церковь должна в своей деятельности и ограничиться навсегда и (желательно) добровольно»⁶.

Именно этим и определяются цели мировоззренческой секуляризации в эпоху раннего Просвещения. Однако в дальнейшем, естественно, появляются тенденции к расширению области «общественно-нерелигиозного» за счет сужения «частного религиозного». Взаимоотношения этих областей автор называет отношениями «близнечной пары религии и секулярности». Не избежал автор и вопросы (де)колонизации, считая

5 Там же. С. 292.

6 Штырков С. А. Религия, или узлы благочестия. СПб., 2021. С. 127.

сравнительное религиоведение его производным и одновременно орудием: «Понимание религии как ряда утверждений, принятых человеком на веру, было тем шаблоном, который позволил европейцам хоть как-то представить себе мир людей, подвергавшихся колонизации. Нивелируя разницу между культурами, лишая определенные идеи и практики других людей материального измерения, подобное сравнительное религиоведение функционировало как стратегия интеллектуального и политического принуждения к западному социальному порядку»⁷.

В заключении своего обзора автор использует характерное словосочетание «средний европеец», не могущее не вызвать у русского читателя напоминание о той негативной характеристике, которое давал этому понятию К. Леонтьев. Действительно, для такого «среднего европейца» религия давно перешла в область внутренних психологических (даже не духовных) переживаний и отделена прозрачной стеной от политики, рациональной науки, экономики и т. д. Религия как автономная сфера интеллектуальной и эмоциональной жизни людей — вот в чём итог секуляризации трёх последних веков европейской истории.

Несмотря на эту автономность религия, согласно автору, всё равно продолжает восприниматься как пространство принуждения к норме, выполнение которой контролируется «могучими агентами — будь то трудноуловимая, но вездесущая культура или гораздо более конкретная религиозная институция, обладающая не только собственной системой образования, но и, что гораздо важнее, механизмами установления и поддержания интеллектуального и поведенческого порядка»⁸.

В этой связи название исследования Рональда Инглхарта («Неожиданный упадок религиозности в развитых странах») удивляет только эпитетом «неожиданный». Автор подробно говорит об ускорении секуляризации «благодаря росту экзистенциальной безопасности и сдвигу от норм рождаемости к нормам индивидуального выбора»⁹. Именно переход к последним, сказывающимся на религиозности населения, составляет авторское объяснение ускорения секуляризационных процессов.

Вся монография Р. Инглхарта представляет собою подробное раскрытие тезиса о связи показателей рождаемости с религиозностью общества. Нормы высокой рождаемости, согласно автору, насаждались внешними указаниями религиозных институтов, но, когда «нормы рождаемости становятся старомодными и кажутся репрессивными, их

7 Там же. С. 133.

8 Там же. С. 168.

9 Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб., 2022. С. 33.

отрицание приносит с собой и отрицание религии». Социологические предубеждения приводят автора к классически позитивистскому выводу о том, что в странах с превалированием норм «индивидуального выбора» в вопросе рождаемости наблюдается спад религиозности, но при этом «мы наблюдаем рост религиозности в некоторых, особенно в бывших коммунистических странах, где он сопровождается ростом важности норм рождаемости и снижения притяжения норм индивидуального выбора»¹⁰.

Вольно или невольно Инглхарт следует старой прогрессистской модели развития общества, для которой традиционные ценности являются признаком отсталости социума в сравнении с общей шкалой человеческой «эволюции». Эта предзаданность исследования отражается и на понимании автором секуляризации и самого феномена секулярного. Специальные разделы исследования посвящены таким темам как ускорение секуляризации в странах с высокими доходами населения в начале XXI века, модернизация и устойчивость традиционных ценностей, теория эволюционной модернизации и секуляризация и, собственно, ускорение секуляризации в обществах с высокими доходами населения. Заканчивается монография традиционными главами на тему «Чего нам ожидать в будущем?».

Авторское определение секуляризма является средней величиной между теорией собственно когнитивной секуляризации в её классической формуле Вебера-Дюркгейма и теорией религиозных рынков (акцент на «конкуренции» между разными деноминациями и государственным регулировании религии). Инглхарт и его сторонники предлагают альтернативу той и другой концепции, поскольку для них уверенность в выживании снижает спрос на религию: «В мире потому остаётся всё ещё много людей с религиозными взглядами, что секуляризация оказывает сильное негативное влияние на коэффициенты рождаемости, так что доля населения, от целого, которое в мире воспроизводится, приходящаяся на общества, в которых господствуют традиционные религии, растёт»¹¹.

Факторами, благоприятствующими секуляризации в будущем, являются по Инглхарту растущее благосостояние, индустриализация и государственное социальное обеспечение. Забавно, что эти факторы автор считает признаками высокого уровня «экзистенциальной безопасности», а последняя, видимо, должна блокировать ту мировоззренческую

10 Там же. С. 27.

11 *Инглхарт Р.* Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб., 2022. С. 66.

конкуренцию, о которой пишет Рене Реомон. Доступность социальных благ делает излишним такое мировоззренческое противостояние — вот общий вывод исследования.

Будучи автором оригинальной версии теории модернизации¹², Инглхарт в своей футурологии достаточно банален — уповает на увеличивающийся экзистенциальную безопасность научный и технологический прогресс, хотя и признаёт опасность его торможения в виде новых пандемий и проблемы неравенства. На мировоззренческом же уровне ему нечего предложить кроме конвергенции науки и религии: «Чтобы быть позитивной силой в глобализирующемся мире, религии нужна универсальная перспектива ... И традиционная религия, и современная наука предлагают сменяющие друг друга аппроксимации истины, которую ещё предстоит постичь»¹³.

Более реалистичным представляется прогноз известного российского социолога религии Дмитрия Узланера¹⁴, отмечающего кризис языка современной науки о религии. Автора больше интересует постсекулярное не как феномен возвращения религии в публичное пространство, но пространство постсекулярной философии вообще. В этой связи Д. Узланер справедливо говорит о *теологическом повороте в философии и философском повороте в теологии*, считая то и другое взаимопроникновением теологии и философии в новом постсекулярном пространстве, что ведёт не к их подмене одним другим, но обретением такого качества как искомая постсекулярность.

Интересна авторская эволюция секулярности, проводимая им не с раннего Нового времени, но ещё с поздней схоластики. «В основе секулярного, — пишет Д. Узланер, — лежит представление, с одной стороны, об автономном самодостаточном порядке природы, независящем или очень косвенно зависящем в своём существовании от Бога, а с другой — об автономном самодостаточном разуме, не нуждающемся ни в благодати, ни в откровении»¹⁵.

Тем самым секуляризация предстаёт не альтернативой богословию, но следствием решения теологических вопросов, то есть секуляризация

12 В русском переводе выходили такие значимые работы: Р. Инглхарта как «Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития» (совместно с К. Вельцелем, русский перевод выпущен в 2011 году), «Культурная эволюция» (2018) и другие.

13 Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб., 2022. С. 218.

14 См. его исследования: Узланер Д. А. Конец религии? История теории секуляризации. М., 2019; Узланер Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М., 2020.

15 Узланер Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М., 2020. С. 70.

имеет метафизический фундамент. Именно поэтому в трех последних главах монографии «Постсекулярный поворот» Д. Узланер прилагает методы радикальной ортодоксии к российской действительности, рассматривая постсекулярное в российском контексте. Автор констатирует неудачу теории постсекулярного как медиатора между гиперрелигиозным и гиперсекулярным полюсами российского общества. В главе с характерным названием «Конец «проправославного консенсуса» автор считает началом разрушения такого консенсуса делом «Пусси Райот», поскольку оно затронуло корневые парадигмы российского общества, касающиеся отношений между государством и Церковью и присутствием религии в публичном пространстве.

В действительности провокация «Пусси Райот» выявила неожиданную для исследователей, но закономерную здоровую реакцию на кощунственное вторжение в область религиозного, поддержанную государством и приведшую к законодательным изменениям. Называть это вслед за автором «формированием нового религиозного ландшафта России»¹⁶ — ошибочно, поскольку речь идёт не о формировании такого ландшафта, а о презентации уже имеющегося.

Как бы ни хотелось автору считать, что «конфликт вокруг церкви и религии является знаком того, что Россия возвращается к стандартному паттерну европейских наций, разделённых по вопросам религии»¹⁷, в действительности речь идёт как раз о тех тенденциях постсекулярного, которые выстраивают новую ситуацию вечного человеческого выбора.

Библиография

- Ремон Р.* Религия и общество в Европе. Процесс секуляризации в XIX–XX веках (1789–2000) / пер. с фр. О. Акимовой. СПб.: Александрия, 2022. (Становление Европы).
- Инглхарт Р.* Неожиданный упадок религиозности в развитых странах / пер. с англ. Н. Ю. Фирсовой; науч. ред. Э. Д. Понарин. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.
- Узланер Д. А.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд. Института Гайдара, 2020.
- Штырков С. А.* Религия, или узы благочестия. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

16 Там же. С. 319.

17 Там же. С. 346.